

КИТАЙСКАЯ МИГРАЦИЯ В ЯПОНИЮ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Никита Евгеньевич КОВРИГИН,
аспирант Санкт-Петербургского
государственного университета.
E-mail: nkovrigin@gmail.com

В статье анализируется китайская миграция в Японию на современном этапе, а также главные объективные и субъективные, в том числе и исторические факторы, определившие развитие этого процесса. Особое внимание уделяется взаимосвязи миграции с политической и экономической ситуацией в Японии и КНР, а также с национальным менталитетом обоих народов. Рассматриваются проблемы социальной адаптации этнических китайцев в Японии.

Ключевые слова: Япония, Китай, временная миграция, эмиграция, социальная адаптация.

The Chinese migration to Japan: history, up-to-date, and specificity. N. E. KOVRIGIN.

The author provides analysis of contemporary Chinese migration to Japan and the problem of social adaptation of migrants. Special attention is paid to interconnection between migration and political and economic situation in both countries. The issue of Chinese migration is put into the wider context of national mentality characteristics of the both nations.

Key words: Japan, China, temporary migration, emigration, social adaptation.

Уже более века взаимоотношения между двумя ближайшими соседями в Восточной Азии — Японией и Китаем — так или иначе связаны с интересами нашей страны. По крайней мере, что бы ни происходило в этом «треугольнике», волновало элиту, прессу и общество и в Российской империи, и при советской власти, и после распада СССР. Напомним, что русско-японская война 1904—1905 гг. велась в основном на китайской территории; хасанский инцидент (1938) с участием советских и японских войск случился на границе СССР с Маньчжоу-Го, в то время китайской марионеткой Японии; капитуляция Квантунской армии произошла в Маньчжурии, которая сейчас является частью КНР; захваченное у японцев оружие было передано Советской Армией войскам Мао Цзэдуна. Непростые отношения между компартиями Китая и Японии в 1960—1980-е гг. стали предметом постоянной заботы ЦК КПСС, который пытался склонить японских коммунистов на нашу сторону в советско-китайских противоречиях. В начале XXI в. между Японией и Китаем разгорелась конкуренция за поставки российской нефти из Восточной Сибири. Этот список можно было бы расширить.

Заголовок данной статьи, на первый взгляд, не имеет отношения к Российской Федерации. На самом деле, и Япония, и Россия с 1990-х гг. встретились с одним и тем же феноменом — весьма быстрым расширением присутствия этнических китайцев на своих территориях, при этом экономики Японии и России абсолютно не схожи. Дело в том, что отток, скажем, 5—6 млн. китайцев, едва заметный для КНР, способен существенно изменить социальную и этническую ситуацию и в Японии, и в России, особенно учитывая, что население обеих стран стало сокращаться (в нашей стране с 1990-х гг., а в Японии с 2007 г.). Между тем население только трех, далеко не самых важных китайских провинций, расположенных к югу от русского Дальнего Востока (Дунбэй), по численности почти равняется населению Японии и скоро должно сравняться с населением России. В г. Харбине Северо-Востока КНР проживает намного больше людей, чем во всем Дальневосточном федеральном округе. Вероятнее всего, отток китайцев на север и восток будет продолжаться, причем результаты этого процесса, скорее, будут противоречивы, а порождаемые им проблемы достаточно сложны и неоднозначны. В любом случае властям и общественности России, особенно её Дальнего Востока, немаловажно иметь представление о ситуации с экспансией китайцев в соседнюю Японию.

В статье автор планирует рассмотреть географические и социальные корни китайской миграции; сопоставить китайскую миграцию в Японию и «белые» страны в историческом плане; показать место иноэтнических (инокультурных) групп в японском обществе, т.е. социальную среду, в которую попадают мигранты из-за рубежа; проанализировать мотивы китайской миграции в Японию на современном этапе (с 1978 г.) применительно к каждой категории переселенцев; уяснить проблемы социальной адаптации «хуацяо» и обозначить тенденции в развитии китайской общины в Японии XXI в. Следует подчеркнуть, что перебазирование в Японию сильно отличается от китайских миграций в другие страны мира и стоит как бы особняком, даже подчиняется другим закономерностям.

В иностранной диаспоре Японии китайцы еще недавно занимали второе место, слегка уступая корейцам (28,7%); по официальным данным, на конец 2006 г. в Японии проживало 561 тыс. китайцев, а в 2003 г. — 462 тыс. К 2008 г. китайская община обогнала корейскую по численности, став самой крупной иноэтнической группой в Японии. В городах сплошь и рядом можно услышать китайскую речь. Таким образом, виден весьма стремительный абсолютный и относительный рост численности китайцев в Японии.

Принципиально важно, что этот процесс накладывается на серьезный демографический кризис, который переживает принимающая страна Япония, кризис, заключающийся в старении населения и сокращении численности его работающей части. Японское население стареет настолько быстро, что, если верить прогнозу ООН, до 2050 г. стране потребуется ежегодно «импортировать» около 600 тыс. рабочих, чтобы поддерживать численность экономически занятого населения, не говоря уже о международной конкурентоспособности Японии; встречаются прогнозы и до 1 млн. чел.

в год. Уже сейчас многие отрасли японской экономики — автомобильная и химическая промышленность, строительство и т.д. — функционируют в основном за счет трудовых (легальных и нелегальных) мигрантов. Острая нехватка рабочих рук ощущается в ресторанно-гостиничном бизнесе, а также в сфере ухода за пожилыми людьми — пенсионерами, чье количество с каждым годом растет. Очевидно, что в настоящее время только Китай обладает достаточными ресурсами, чтобы обеспечить потребности Японии в рабочей силе. Расширение китайской диаспоры оказывает влияние как на повседневную жизнь социумов крупных городов, так и на внутреннюю политику государства. Японское правительство, с одной стороны, ощущает необходимость в привлечении иностранных мигрантов, с другой — ограничено иммиграционным законодательством и общественным настроением. Стремясь сохранить социальную стабильность, руководство страны вынуждено создавать полуофициальные механизмы, обеспечивающие приток иностранных трудовых мигрантов в страну.

Демографический кризис переживают экономика Японии, а также сфера услуг и социальной защиты. На пороге затяжного кризиса стоит большинство японских университетов, что, в первую очередь, связано со снижением рождаемости и начавшимся сокращением населения страны. Система высшего образования очень скоро начнет испытывать нехватку студентов собственного населения. Болезненному сокращению преподавательского состава (в целях экономии) может противостоять только приток иностранных студентов. Из-за иероглифической системы письма, принятой в Японии, рассчитывать приходится в основном на молодых китайцев и в какой-то степени на корейцев. Жители других азиатских стран, а тем более европейских и американских, в качестве студентов будут приезжать в Японию лишь в минимальном числе. Фактически в стране уже развернулась конкуренция за студентов и стажеров из Китая.

Между тем, сыграв в 1980-х гг. роль авангарда китайской миграции и заложив основы «новой» китайской общины в Японии, китайские выпускники японских вузов в последнее время более активно участвуют в расширении японо-китайских торгово-экономических связей и как сотрудники японских компаний, и как частные предприниматели. На почве соприкосновения деловых интересов наметилась тенденция на сближение мигрантов новой волны с бизнесменами из «старой» китайской общины в Японии. Вероятно, в лице китайской диаспоры мы сможем наблюдать появление на Японских островах новой экономической силы.

В основе формирования и развития миграции китайцев в Страну восходящего солнца — сложный комплекс внутренних и внешних факторов, а путь ее весьма извилист. На нынешнем этапе выделяется несколько основных категорий: студенты, технические стажеры и нелегальные мигранты. Поведение каждой из них имеет характерные и даже уникальные особенности как в самом миграционном процессе, так и во взаимоотношениях с японским обществом.

Китай и Японию как ближайших соседей связывают многовековые отношения. На протяжении столетий китайцы играли важную роль в жизни

японского общества. Несмотря на периоды затухания, связь между двумя странами, пусть и на неофициальном уровне, не обрывалась. С приходом американцев и европейцев в середине XIX в. открылась новая страница в истории миграции китайцев на Японские острова. Первыми стали приезжать в Японию торговцы, компрადоры, обслуга иностранцев, включая ремесленников. Именно благодаря им начали появляться китайские анклав в Нагасаки, Йокогаме, Кобэ, Осаке и т.д., развитие которых пришлось на очень сложный этап японо-китайских отношений — ломка старых стереотипов взаимного восприятия и формирование новых. Поначалу роль китайских купцов в экономике, прежде всего во внешней торговле Японии, была велика. Они контролировали торговлю не только со своей страной, но также значительную часть товарооборота с Индией, Гавайями и др. Китайские мигранты, как ни парадоксально, вносили весомый вклад и в «вестернизацию» Японии: первыми начали импортировать в страну керосин и керосиновые лампы, познакомили японцев с производством черного чая. В 1874 г. китайская община получила разрешение на установку на улицах Нагасаки газовых фонарей, которые в то время были новинкой.

По вполне понятным причинам в Японии китайские общины не могли восприниматься в качестве «желтой угрозы», как это случилось в США и Австралии (скорее, наоборот, со временем этот эпитет укрепился за Японией), и на первоначальном этапе они обладали значительными привилегиями (организации взаимопомощи, собственные банки и даже разветвленные органы самоуправления, официально признаваемые японскими властями). Более того, до 1899 г. китайские подданные пользовались в Японии правом экстерриториальности и были крупнейшей иноэтнической группой в стране.

Между тем успехи Японии на пути модернизации, знакомство с внешним миром, разочарование в ослабевшей Цинской империи как источнике силы и культуры способствовало развитию у японцев чувства превосходства по отношению к китайцам. В прессе и обществе ширилась дискуссия о необходимости нахождения китайцев в Японии. Несмотря на наличие определенной неприязни между китайцами и японцами, в Японии не было расового антагонизма, сравнимого с тем, что имел место в США. Удар по китайской общине нанесла японо-китайская война 1894—1895 гг., вследствие чего изменилась расстановка сил в Восточной Азии, структура торгово-экономических отношений и политические устремления японского руководства. Китайские торговцы утратили лидирующие позиции, необходимость в компрадорах отпала, и китайская община стала терять свой вес.

Однако раны войны как-то отодвинулись на второй план и на смену торговцам на рубеже XIX—XX в. пришли китайские студенты. По выражению Джона Фэрбэнка, «...китайская студенческая миграция в Японию в первом десятилетии XX в. была, пожалуй, на тот период крупнейшим массовым выездом студентов за границу за всю мировую историю»¹. В отличие от миграции торговцев и рабочих студенческая миграция из

Китая в Японию определялась не объективными экономическими факторами, а внешне- и внутривнутриполитическими соображениями руководства обеих стран. В отправке китайских студентов в Японию были заинтересованы как цинское правительство, так и правящие круги Японии. Решение о массовой отправке в Японию студентов определило новые взгляды китайской правящей элиты, пришедшей к выводу, что реформа общенациональной системы образования — это ключевой фактор модернизации страны. Хотя китайские студенты отправлялись и в США, и в Европу, Япония стала основным пунктом назначения. В 1902 г. их число достигло 400—500 чел., в 1903 — 1 тыс., а к 1906 г. в Токио обучалось от 8 до 9 тыс. (некоторые источники сообщают о 20 тыс.)². При этом в университетах США в тот период значилось всего лишь 100 с небольшим учащихся из Китая.

Появление китайских студентов приветствовала и японская правящая элита, их прием на учебу казался ей частью миссии Японии как лидера Азии. В подходе японской стороны отражался и чисто практический подход. В Токио рассчитывали, что китайские учащиеся по возвращении будут способствовать распространению японского влияния и лояльности к Стране восходящего солнца, смогут продвигать её политические и экономические интересы. Специально для студентов из Китая создавались отделения при государственных и частных вузах, а также отдельные учебные заведения. Крайняя политизация студенчества привела к тому, что сразу после Синьхайской революции молодежь стала массово возвращаться в Китай. К 1912 г. число китайских студентов в Японии упало до 1,5 тыс. чел.

Вслед за резким спадом студенческой миграции с 1917 г. численность китайцев в Японии вновь стала увеличиваться за счет такой категории, как рабочие. После Первой мировой войны японская экономика испытывала временную нехватку рабочих рук. Правительство решило справиться с этой проблемой путем привлечения иностранцев. Они рассматривались как удобная и недорогая рабочая сила, чей въезд и срок пребывания, как казалось, можно легко контролировать. За период «восстановительного бума» в Японии, длившегося с 1923 г. до начала «великой депрессии» 1929—1932 гг., численность китайской общины непрерывно росла и достигла к концу 1920-х гг., по разным оценкам, 30—40 тыс. чел. Китайцы преимущественно трудились в качестве докеров и на шахтах, значительную массу составляли поденные рабочие.

Реальный удар по общине хуацяо нанесло вторжение японских войск в Маньчжурию в 1931 г. Японская агрессия вызвала к жизни новый взлёт националистических настроений среди китайцев, проживавших в Японии. Только из Кобэ с китайским населением около 3 тыс. чел. в Китай вернулось более половины. Общая же численность китайцев в Японии упала до 17 тыс. чел.³ На протяжении второго периода миграции, пришедшегося на 1940—1970-е гг., китайские общины в западных странах, пусть и минимально, поддерживали связь с родственниками на материке (в основном через Гонконг). Контакты же малочисленной китайской

общины в Японии с родиной отсутствовали, для нее второй этап как бы прошел мимо. Это привело к некоторому размыванию, частичной «японизации» и утрате связей с родными «регионами-экспортерами». Когда после 1978 г. начался очередной этап миграции китайцев за рубеж, прибывшим в Японию пришлось формировать базу и налаживать миграционный механизм с «чистого листа».

Ситуацию, в которой оказываются иноэтнические и инокультурные группы в Японии, нельзя рассматривать без учета этнопсихологии ее коренного населения, миграционной (если не сказать «антимиграционной») ментальности, которая вырастает из организационной структуры японского общества, где дистанции между существующими в нём группами обусловлены давлением ряда моральных категорий. Только уяснив характер этих отношений, можно понять место и самоощущение китайских поселенцев и других «чужаков» (корейской общины и «никкэйдзин», т.е. этнических японцев, репатриантов из Южной Америки).

На волне экономического бума (экономика «мыльного пузыря») на рубеже 1980—1990-х гг. японский рынок труда испытывал нехватку рабочих. Японской администрации казалось, что в лице никкэйдзин, «импортированных» преимущественно из Бразилии и Перу, нашлась отличная замена нелегальным и полуплегальным рабочим с Ближнего Востока и Восточной Азии. Предполагалось, что благодаря их этнической близости они будут легко приняты японским обществом, потому что не выглядят как иностранцы. Для них были созданы особые условия и даже внесены изменения в иммиграционное законодательство. Однако никкэйдзин не удалось вновь стать частью японской нации. «Кровная» близость оказалась не единственным определяющим фактором, при межкультурном взаимодействии очень резко обозначились культурные и поведенческие различия.

До последнего времени самой крупной общиной Японии были корейцы. Они и по сей день являются наиболее влиятельной иноэтнической группой, оставаясь при этом одновременно и самой дискриминируемой частью общества. Причиной такой ситуации помимо воздействия исторических стереотипов является этническое, или «кровное» различие. Оберегая свою кровь от «загрязнения», японцы отторгают тех, кто, по их мнению, является носителем «нечистой» крови, тем более не японской. Структура взаимоотношений внутри японского общества, особенности национального менталитета, «антимиграционная» ментальность, глубоко укоренившийся национализм и одержимость идеей чистоты крови обуславливают отторжение этим обществом иностранных мигрантов. Именно в таких условиях на рубеже 1970—1980-х гг. зарождалась китайская миграция в Японию.

На первоначальном этапе она была едва заметна, и ни о каком «буме» в это время говорить не приходится. В Японии в отличие от США и Европы отсутствовала принимающая база; сравнительно немногочисленные этнические китайцы в японских «чайнатаунах» к тому времени потеряли с материком связь, сохраняя ее разве что с Тайванем. Сыграло роль и то

обстоятельство, что Япония в глазах китайского народа по историческим обстоятельствам не принадлежит к числу «любимых» стран.

Главным фактором, обусловившим начало и рост людских потоков в Японию, оказалась не экономика, а текущая политика властей как КНР, так и Японии по отправке и привлечению китайских мигрантов. Современная миграция китайцев в Страну восходящего солнца формировалась практически с нуля. Её начало было обусловлено задачами, которые ставило перед собой независимо друг от друга руководство обоих государств. Китаю для осуществления реформ и модернизации страны были необходимы новые квалифицированные кадры, но система образования почти разрушилась в годы «культурной» революции. Единственный выход состоял в отправке студентов за границу, т.е. в полном разрыве с предыдущей практикой, когда образование и наука «варились в собственном соку». В то же время японское правительство во главе с Я. Накасонэ, озабоченное идеей «интернационализации» страны, решило резко увеличить число студентов из других стран. Не последнюю роль в этом сыграли соображения международного престижа. Таким образом, совпали «pull» и «push» факторы; сложились предпосылки и возникли условия для поступательного роста миграционных потоков из КНР пока только по линии учащихся и студентов. Ситуация конца XIX в. повторилась на новом витке истории.

Как и в позднецинском Китае, первыми мигрантами в Японию после 1978 г. стали в основном студенты, отправленные на учебу за рубеж по правительственным программам, а позже и за свой счет. Именно они во многом заложили фундамент, на котором зиждется современная китайская община в Японии. Стремясь привлечь больше иностранных студентов, японское правительство пошло по пути упрощения визовых требований и расширения категорий студентов. Помимо студентов вузов *рюгакусэй*, развивались и возможности для «довузовских» студентов *сюгакусэй*, т.е. учащихся кратковременных курсов, в первую очередь языковых школ. Из-за несовершенства японского законодательства многие из них оказались фиктивными и стали играть роль механизма привлечения и трудоустройства китайской неквалифицированной рабочей силы; размеры новой китайской общины стали быстро увеличиваться. В 1983 г. в Японию прибыло 160 студентов по линии «довузовского» образования, а в 1988 г. их было уже 28 256. Бывшие студенты, просрочившие визу и незаконно оставшиеся в стране, помогали другим перебраться в Японию — очень часто для обеспечения открытого ими собственного бизнеса. Увеличению числа *сюгакусэй* объективно способствовали растущие потребности японской экономики в трудовых ресурсах, которые собственное население не восполняло. Приток трудовых мигрантов извне соответствовал интересам страны, но противоречил нормам японского законодательства, да и японскому «антииммиграционному» менталитету.

Осознав, что языковые школы — своеобразная лазейка для обхода закона, японское правительство начало вводить ограничения и дополнительные требования к оформлению визы. С ужесточением процедуры миграция по линии довузовского образования стала постепенно утрачи-

вать популярность среди китайцев, хотя еще в 2002 г. их насчитывалось 35 тыс. 450 чел., притом что общее число всех иностранных *сюгакусэй* на этот год составило 47 тыс. 198 чел.⁴ Таким образом, сложилась конфликтная ситуация: японская экономика требовала расширения источников иностранной рабочей силы, а иммиграционное законодательство запрещало приезжим заниматься неквалифицированным трудом. Японское правительство было вынуждено искать более легальные лазейки, чтобы, с одной стороны, обеспечить рынок рабочей силой, контролируя при этом процесс, а с другой — не раздражать общественность.

Такая лазейка была найдена в форме «Программы обучения техническим специальностям иностранных граждан», т.е. стажировки. С начала 1980-х гг. программа для «стажеров» (*кэнсюсэй*, в англоязычной литературе — *trainee*) являлась и является единственным законным способом трудоустройства для неквалифицированных рабочих, преимущественно из Китая. Программа импорта стажеров осуществляется при участии большого числа японских министерств, ведомств и межведомственных организаций. С китайской стороны в программе принимают участие государственные органы, вплоть до Госсовета КНР. Организации, сотрудничающие с японскими и обеспечивающие отправку стажеров, имеют отделения как в крупных городах, так и в провинциях. Благодаря этому в миграционную схему включаются новые провинции, что приводит к увеличению объемов миграции.

Реальная цель создания системы стажеров предельно ясна: поставить поток неквалифицированной рабочей силы под контроль (но всё же сохранить его) и не позволить рабочим слишком долго оставаться в Японии (срок стажировки изначально не превышал двух лет). С начала 1990-х гг. число стажеров-*кэнсюсэй* стремительно росло: 7 тыс. 624 — в 1990 г. и 10 тыс. 688 — в 1991 г. по сравнению с 3 тыс. 496 в 1989 г. В 1997—1999 гг. из КНР в Японию ежегодно въезжало в среднем по 20 тыс. чел. по программе технической стажировки. Всего же с 1992 по 2005 г. только по линии ИТТСО (Japan International Training Cooperation Organization — ведущая организации по содействию импорту стажеров) в Японии работало 287 тыс. китайцев. По сравнению с предыдущим потоком *сюгакусэй* программа стажеров превратилась в работающий, а главное, контролируемый механизм снабжения японской экономики трудовыми ресурсами, который позволяет японским компаниям практически не нарушать закона.

Заметную долю в общем объеме китайской миграции в Японию занимают и нелегальные иммигранты. По японским официальным данным, около 80% всех задерживаемых при попытке нелегального пересечения японской границы составляют китайцы⁵. Мигранты внесли и продолжают вносить свой особый вклад в развитие китайской общины в современной Японии. В его основе — внесистемные факторы: политические и экономические устремления правительств обеих стран. За счет способности быстро реагировать на изменения японского законодательства, экономической ситуации в стране и развития новых направлений японо-китайского сотрудничества китайцы, используя миграционные схемы, сумели

за короткий по историческим меркам срок сформировать в Японии прочную и динамично развивающуюся общину.

Характерной чертой современного этапа жизнедеятельности этнических китайцев в Японии является постепенное затухание прежней традиционной общины и общинообразующих институтов. «Новая» община хуацяо создает собственные организации и механизмы, приспособленные под свои интересы. Более того, мигранты новой волны стремятся дистанцироваться от старой общины, в противовес ей называя себя «синь хуацяо» (новые хуацяо). Новая община развивается быстрыми темпами, создавая элементы обеспечения жизнедеятельности: банки, местные газеты и другие СМИ, магазины и т.п. Облик некоторых районов крупных японских городов уже начал меняться, приобретая черты классических чайна-таунов, характерных для стран Европы и Америки. А китайские рестораны и закусочные, которыми пользуются ежедневно сотни тысяч коренных жителей, находятся на территории Японского архипелага.

Можно утверждать, что на фоне постоянного роста двусторонних торгово-экономических связей произошло некоторое смыкание экономических интересов китайских мигрантов и японского бизнеса. Все больше китайцев занимают позиции консультантов и представителей в японских компаниях, работающих с их страной, некоторые из них, набрав опыт и связи, открывают собственный бизнес. Занимая постепенно все более высокую социально-экономическую нишу, новые мигранты неизбежно приходят к соприкосновению с представителями общины «старых хуацяо», многие из которых издавна заняты в успешном бизнесе. Возможно, уже сейчас за счет сближения тех и других (при доминировании «новых») начинает формироваться новый мощный сегмент всемирной сети китайских мигрантов, экономически активная китайская община в Японии.

Китайцы, как правило, компактно расселяются в префектурах с высокой деловой активностью, причем в сфере притяжения центров этих префектур. Большая часть китайцев проживает в таких городах, как Токио, Йокогама, Нагоя, Нагасаки, Киото, Осака, Кобэ и Фукуока. Данные о расширении общины позволяют предположить, что в среднесрочной перспективе она изменит, хотя бы частично, социальный и культурный облик крупных японских городов. Этому опасаются и население Японии, и ее политическая элита. На обыденном уровне китайская миграция воспринимается как вторжение в нормальный и привычный уклад жизни японцев. Временные мигранты не стремятся приспособлять свои привычки и мировоззрение к укладу жизни принимающего общества, они непосредственно переносят свои повседневные нормы поведения в новую среду. В этой связи не вызывает удивления, что, например, политика многих риэлтерских фирм не предполагает оказания услуг выходцам из континентальной Азии.

На китайцев, как и на прочих выходцев из Восточной Азии, в Японии привыкли смотреть свысока и не относиться к ним как к равным. Было бы упрощением сказать, что подобное отношение — результат работы средств массовой информации или иного рода пропаганды; этот пред-

рассудок существовал с XIX столетия и может усиливаться за счет каждодневных контактов с некоторыми китайскими мигрантами. Даже те, кто по роду своей деятельности имеет дело с китайцами и другими азиатами, порой считают их «людьми третьего сорта» (*дайсанкокудзин* — люди из третьих стран). Интересно, что этот термин появился в Японии давно, в конце XIX в., до японской оккупации Китая и Кореи.

Кроме проблем с наймом жилья китайцы и прочие мигранты сталкиваются с определенной дискриминацией по месту работы или учебы. Студенты жалуются на «...пренебрежение, скрытые и открытые формы дискриминации, отсутствие уважения со стороны японских сверстников». Виды работ, на которых заняты мигранты, оказываются важным фактором, определяющим их статус в социальной иерархии японцев. Китайцы наряду с прочими азиатскими мигрантами трудятся, как правило, на работах, которые японцы называют «три К» — *китанай* (грязный), *кицуи* (трудный), *кикэн* (опасный), это те виды работ, которыми не хотят заниматься сами японцы. Большое число мигрантов еще совсем недавно занятых в таких низкооплачиваемых областях сферы услуг, как мытье посуды и доставка, работают официантами, уборщиками и т.д.

Однако в самом характере китайской миграции начали происходить серьезные перемены. На наших глазах развивается совершенно новая тенденция, которая заставляет по-иному взглянуть на весь характер китайской миграции, а главное не её будущее. Все большее число субъектов стремится к получению статуса «постоянного резидента» *эйдзюся*. Этот факт говорит о том, что многие китайцы легально проводят в Японии более 10 лет (срок, определяемый законом для предоставления статуса «постоянного резидента»). По данным на 2005 г., 20% всего китайского населения Японии, которое тогда составляло чуть более 500 тыс. чел., были «постоянными жителями» (этот статус немногим отличается от статуса гражданина). А с 1990 по 2005 г. 58 тыс. 879 чел. стали гражданами Японии, причем 46 тыс. из них натурализовались после 1996 г. С 2000 г. ежегодно более 4 тыс. китайцев становились гражданами и более 11 тыс. получали статус постоянного жителя⁶. Прирост этой категории мигрантов обусловлен увеличением числа китайцев, выходящих замуж за японцев, членов семей и квалифицированных специалистов, привлекаемых японскими компаниями и университетами.

Подобные тенденции позволяют предполагать, что в будущем изменится сама схема китайской миграции в Японию. Если до сих пор роль механизма, обеспечивавшего набор новых мигрантов, играли правительственные организации, крупные корпорации, китайские контрабандисты «шэтоу»⁷ и брокеры в самой Японии, то в будущем «новые» японцы (бывшие граждане КНР) и «постоянные резиденты» на вполне законных основаниях смогут выступать в качестве формальной приглашающей стороны, т.е. может возникнуть очередная цепная миграция неопределенных размеров.

Но только этим дело не ограничивается. Японский истеблишмент, пусть с неохотой, приходит к пониманию того, что без существенного

притока рабочей силы из-за рубежа перспектив поступательного движения у страны нет. Летом 2008 г. большая группа депутатов парламента (80 чел.) от правящей (!) ЛДП вручила премьер-министру заявление со словами: «Для того чтобы Япония могла выжить, она должна открыть двери всему миру в качестве международного государства и, впуская иммигрантов, двигаться по пути превращения в нацию иммигрантов»⁸, т.е. они предложили со временем довести число иностранцев до 10% населения. Более того, депутаты внесли предложение о предоставлении японского гражданства всем «постоянным резидентам», парламентариев поддержала и влиятельная Торгово-промышленная палата Японии. Конечно, от деклараций до стадии практической политики должно пройти какое-то время. Но вполне вероятно, что за ближайшие 15—20 лет национальный облик городов Японии может существенно измениться, и нетрудно догадаться, какая нация будет лидировать в этом процессе. Временная по своей изначальной природе миграция может превратиться в китайскую эмиграцию в Японию. Пока на пути этого процесса стоит мощный психологический барьер как со стороны местного населения, так и большинства китайских мигрантов.

Таким образом за прошедшие полтора века китайская миграция прошла сложный путь, пережив несколько взлетов и падений. На некоторых этапах своего развития китайская община в Японии претерпевала сокращение численности. Но каждый раз, когда в обеих странах совпадали условия, хоть как-то способствовавшие продолжению миграции, китайцам удавалось в максимальной степени использовать новые возможности. Благодаря своей гибкости и потрясающей способности к адаптации в чуждой среде общине китайских мигрантов XXI в. удалось стать самой крупной иноэтнической общностью в Японии. Начав играть заметную роль в жизни страны, «новые» китайцы в новых условиях успешно повторяют путь предшественников, проделанный на столетие раньше. Особенностью китайской миграции явилось то, что на рубеже XX—XXI вв. она оказалась необходимой для социально-экономического развития обеих стран, которые извлекают огромную пользу от присутствия в Японии мигрантов из КНР: Япония спасает от упадка целые секторы своей экономики, для КНР, особенно для прибрежных провинций, китайская община генерирует значительные денежные потоки, питающие экономику страны. Но структура взаимоотношений внутри японского общества, «антимиграционная» ментальность, «мягкий», глубоко укоренившийся национализм, одержимость идей этнической чистоты и восприятие японцами любого индивида в рамках жесткой системы «свой — чужой» обуславливают отторжение иностранных мигрантов, в первую очередь азиатских. Для современных японцев китайцы не принадлежат ни к этнически, ни к культурно близким меньшинствам. С другой стороны, традиция и миграционная ментальность китайцев (прежде всего «приморских»), отношение к миграции как к способу экономического воспроизводства, привлекательность Японии как источника получения дохода побуждают китайцев к миграции в эту страну.

В Японии зарегистрированные китайцы составляют пока около 0,7% жителей архипелага. Таким образом, латентные возможности хуацяо в Японии просто колоссальны. Приток свежего человеческого материала, тем более трудолюбивых китайцев, объективно представляется благом для Японии. Важно, что даже при многократном росте числа китайцев исключены, например религиозные конфликты. Но к «нашествию» китайцев японское общество в своей массе не готово психологически, часть истеблишмента смотрит на перспективу более широко. Многие, по-видимому, даже большинство японцев, готовы, скорее, к снижению конкурентоспособности и международного влияния своей страны, чем к наличию «чужаков» рядом со своим домом.

За истекшие 30 лет взаимное восприятие китайцев и японцев не претерпело особых изменений, а негативные чувства, если верить опросам общественного мнения, даже усилились. По-видимому, китайцы пока готовы это терпеть. В настоящее время наблюдается появление новых тенденций в отношениях китайцев с местным обществом. Ширятся случаи, когда образованные китайцы занимают высокую нишу в кадровой системе японских предприятий и вузов и соответственно переходят на более высокий социальный уровень. Подобное встречное движение объективно ведет к тесному взаимодействию двух социумов, возникновению новых деловых отношений и дальнейшему взаимопроникновению в экономику друг друга. И все же китайцы-мужчины, даже решившись надолго остаться в Японии (что само по себе является весьма сложной процедурой), ощущают себя чужими в этой стране и ориентируются на возвращение в Китай. Зато у многочисленных китайянок, выходящих замуж за японцев, мироощущение другое, и их дети, скорее всего, будут обладать японским менталитетом.

-
- ¹ Fairbank, John King. Twitchett, Denis Crispin. Liu, Kwang-Ching. *The Cambridge History of China: Volume 11, Late Ch'ing, 1800—1911, Part 2.* Cambridge University Press, 1980. P. 348.
  - ² Harrell, Paula. *Sowing the Seeds of Change: Chinese Students, Japanese Teachers, 1895—1905.* Stanford University Press, 1992. P. 2.
  - ³ Friman, Richard H. *Evading the Devine Wind Through the Side Door: The Transformation of Chinese Migration to Japan // Globalizing Chinese Migration: trends in Europe and Asia.* P. 11.
  - ⁴ Hatsuse Ryuhei. *Governance, Asian migrants and civil society // Contested Governance in Japan / ed. by Glenn D. Hook.* Routledge, 2005. P. 161.
  - ⁵ Официальный сайт Береговой охраны Японии (<http://www.kaiho.mlit.go.jp/info/kouhoushi/kouhoushi3.htm>). Доступ 10.06.2009.
  - ⁶ Liu-Farrer, Gracia. *Creating a transnational community: Chinese newcomers in Japan // Japan's Minorities: the illusion of homogeneity.* P. 123.
  - ⁷ Дословно «змеиные головы», термин, применяемый в Китае для обозначения людей, каким-либо образом причастных к незаконной транспортировке за границу.
  - ⁸ Цит. по: Ковригин Е.Б., Суслов Д.В. *Новое во внешнеэкономической политике Японии: двусторонние соглашения о свободной торговле // Знакомьтесь — Япония.* 2009. № 49. С. 16.